Что в своем опыте нарушения драматической иллюзии Кюхельбекер пользовался немецкими источниками, представляется несомненным. Напомним, однако, и то, что в области «романтической мифологии» (как называл ее поэт) он продолжал линию собственной пьесы «Шекспировы духи» (через посредство которой перешли в «Ижорского» заимствованные у Шекспира Ариэль и Титания). В предисловии к пьесе он ссылается как на английского драматурга, так и на Виланда и Я. Беме. С другой стороны, «Ижорский» не чистая драма, и надо предполагать, что Кюхельбекер учитывал эффект нарушений повествовательной условности в «Евгении Онегине». В более отвлеченном плане можно говорить о стихотворно-повествовательном и драматическом вариантах романтической игры с условностью (прозаический вариант был представлен стерниановской традицией). Что касается замечаний Ю. В. Манна об этимологически прозрачных, в духе сатиры и комедии XVIII в., именованиях эпизодических персонажей, следует добавить, что именование главного героя также семантически нагружено, хотя антропонимический контекст здесь построен иначе. 'Ижорский' — это, во-первых, перифраз к 'петербургский' и, во-вторых, отсылка к 'Онегин' (Ижора — Онега). Антропоним, таким образом, интерпретирует «байроновско-онегинский» тип героя и предвосхищает не только Лермонтова (Печора — Онега), но и Достоевского в его Пушкинской речи. Легко семантизируются также имя Ижорского — Лев и отчество Петрович, которое может быть осмыслено как вариация 'петербургского' (ср. наблюдения М. С. Альтмана над именами «последышей Петра I» у Достоевского).

Чем шире концепция, тем более необходимо четкое обозначение ее границ. Монография изучает романтизм как «целый художественный комплекс», и, поскольку состав этого комплекса не дан как нечто само собой разумеющееся и постоянное, читателю небезразлично, что именно включается в него, а что исключается. Это важно не только в процедурном отношении, но и по существу предмета — прежде всего, чтобы понять, существовала ли единая романтическая поэтика, хотя бы только поэтика конфликта, или надо говорить о различных поэтиках (в частности, о разной организации конфликта) внутри «комплекса», объединять которые правомерно лишь на ином, более высоком уровне абстракции. Не рассмотрено то или иное явление потому, что мыслится в качестве однотипного рассмотренным, или, наоборот, потому, что оно другого типа? Если «Страшное гаданье» Марлинского иронически остраняет романтический конфликт (оставляем в стороне наше несогласие с этой трактовкой), то как относится к нему «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» того же автора или «Двойник» Погорельского и так далее — ряд выстраивается, конечно, очень просто. Автор не предупреждает подобных вопросов. В том, что относится к фантастике, некоторый ответ можно, по-видимому, найти не в книге, а в недавней очень содержательной статье Ю. В. Манна «Эволюция гоголевской фантастики». В другом случае разъяснения даны (о прозе в стиле В. Скотта), но они все же недостаточны в силу своей отсылочной формы.

Многие положения работы Ю. В. Манна, которые нам не удалось упомянуть, как и вопросы иного порядка — соотношение поэтики и интерпретации в книге или характерное для теперешней филологической ситуации соединение «традиционного» литературоведческого языка с терминологическими новациями,— могли бы стать объектом обсуждения, и позитивного и дискуссионного. Эта возможность, предоставляемая почти любым разделом монографии, подтверждает ее научное значение.

Е. А. Тоддес

М. С. Шаповалова. **Шекспір в українській літературі.** Львів, «Вища школа», 1976.

История того, как великий иностранный писатель внедряется в жизнь того или другого народа, как он проходит через его литературу, какой оставляет в ней след,— это история, ведущая к очень глубокому пониманию характера международных культурных связей, пониманию этого автора, взятого в действии, в обнаружении творческой его энергии.

В советском литературоведении первый пример такого рода исследования — превосходная книга В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе». Хочется отметить и весьма удачную книгу И. Катарского «Диккенс в России». Такого рода темы, посвященные роли русских и иностранных писателей в украинской культуре, характерны для украинского литературоведения.

Особенный интерес вызывает только что появившаяся книга М. С. Шаповаловой о Шекспире и его роли в развитии украинской литературы.

Поразительно, с какой настойчивостью многие украинские писатели и в XIX в. и в наше время захвачены были одной мыслью: их родная литература должна достигнуть уровня творчества великого английского драматурга. Так, Михаил Драгоманов в 70-х годах прошлого века мечтал о хороших переводах Шекспира на украинский язык и протестовал против

переработок, упрощающих и принижающих великого драматурга, именно потому, что он верил в будущее своей родной литературы, которой нужны подлинные образцы, а не подделки. И Панас Мирный в то время, когда он жаждал творческого подъема «такой художественной силы, которая бы покоряла людей и делала бы их лучше» (с. 99), восхищался силою шекспировского слова, глубиной его мысли, ставил его своим современникам в пример и сам пытался переводить его.

М. С. Шаповалова показывает, что и в романах П. Мирного в концепции человеческих характеров сильно сказывается влияние Шекспира.

Иван Франко именно в работе над Шекспиром и переводами его трагедий создавал свою теорию перевода: переводчик должен в совершенстве знать оба языка, добиваться ясности и чистоты речи, не допускать украинизации, не утрачивать национального характера оригинала, сохранять особенности поэтической формы, сохранять тонкости стиля, избегая при этом рабского копирования переводимого текста. «Дословность попросту невозможна, если передавать не столько слова, сколько дух оригинала» (с. 116).

Как М. Драгоманов и П. Мирный, Леся Украинка тоже мечтала о том, чтобы ее современники или преемники стали бы «славянскими Шекспирами» (с. 146).

Для тех, кто жил и трудился в литературе на рубеже XIX и XX вв. и кто был озабочен ее судьбами, Шекспир был противоядием декадентской литературе. И в статьях писателей этого времени, и в творчестве особенно Леси Украинки Шекспир сыграл очень значительную роль, его мощный и высокий реализм вытеснял влияние таких деятелей и теоретиков декадентства, как С. Пшибышевский (с. 146).

При изучении Шекспира в значительной мере формировалось украинское литературоведение. Иван Франко для своих статей о Шекспире привлекал и классические труды Гердера, Лессинга, Гете, и новейшие для того времени исследования Сидни Ли Е. Даудена, А. Брандля, А. Брауна и др., использовал суждения Пушкина, Белинского, Чернышевского. В то же время Франко и самостоятельно мыслил о Шекспире и как поэт, как драматург учился у него.

Трогательны некоторые письма литераторов, отложивших собственные труды, чтобы усердно и долго работать над переводами произведений Шекспира на украинский язык. В ноябре 1882 г. М. Старицкий, посылая свой перевод «Гамлета», так писал М. Костомарову: «Признаюсь, хотелось бы услышать Ваше дорогое для меня и ценное суждение об этом деле — есть ли хоть что-то путное в моем труде или одни отбросы?» — «... чи путяща хоч трохи робота, чи покидька?» (с. 86). Оживленное обсуждение достоинств и недостатков переводов Федьковича, Мирного, Кулиша проходит через переписку многих литературных деятелей Украины. Горячим было стремление Старицкого и других писателей, бравшихся переводить Шекспира, расширить возможности украинского литературного языка, обнаружить его богатство и силу.

В полной мере той и другой цели достиг в наше время Максим Рыльский. В книге М. Шаповаловой показано, что Октябрьская революция, а потом и объединение Украины породили новый плодотворный этап в развитии украинской культуры и, в частности, в усвоении мировой культуры и в искусстве художественного перевода. Труды украинских литературоведов, занимавшихся Шекспиром,— А. И. Белецкого, С. И. Родзевича, А. П. Шамрая, Н. А. Модестовой и др.— сыграли значительную роль в развитии украинской филологии.

Для Максима Рыльского Шекспир стал его спутником с юных лет и до конца его жизни. Уже юношеская дружба его с М. П. Алексеевым была окрашена одинаковым их влечением к Шекспиру (с. 170).

Значение Шекспира в творчестве Рыльского, Бажана подробно рассмотрено в книге М. Шаповаловой. Дается тщательный анализ переводов. Приводятся убедительные слова Л. Первомайского: «...Рыльский не столько переводит в обычном значении этого слова, сколько творит украинские о р и г и н а л ы произведений мировой поэзии... Его переводы обнаруживают безграничные возможности современного украинского поэтического языка...» (с. 183).

Книга М. С. Шаповаловой в живой, талантливой и убедительной форме знакомит читателя с тем, как читали, как изучали, как переводили Шекспира на Украине, как о нем спорили, а главным образом с тем, какое значение имело его наследие для роста и развития украинской литературы.

А. В. Чичерин